

КОД ЕЁ ДНК

A romantic couple is shown in a close embrace in a snowy, out-of-focus environment. The man, with dark hair, is wearing a dark jacket and looking down at the woman. The woman, with long brown hair and freckles, is wearing a brown sweater and looking towards the camera. A glowing DNA double helix is superimposed over the image, winding around the couple. The background is a soft, blue-toned snow scene with bokeh light effects.

Любовь — единственное,
что можно закодировать в её ДНК

Вета Кэрлл

Код её ДНК

<https://litres.ru/74430532>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она — Ева Невельская. Выпускница, влюблённая в физику, с тёмными волосами, веснушками и редкой болезнью без названия. Врачи разводят руками. Мать просит смириться. Сама Ева давно перестала надеяться.

Он — Нейтан Веспер. Прагматичный парень, который с детства знал: он станет врачом. Он дал обещание умирающему отцу и не привык отступать от плана. Но встреча с Евой ломает все планы.

Она не верит в чудеса. Он не знает, как лечить то, что нельзя вылечить. Но когда за спиной — исчезнувшие файлы, загадочная клиника «Vita Nova» и десятки стёртых судебных, Нейтан понимает: единственный способ спасти Еву — переписать её ДНК.

Сможет ли он расшифровать код её жизни до того, как станет слишком поздно?

«Код её ДНК» — это история о любви, которая сильнее генетического кода. О выборе, который меняет судьбу. И о том, что даже самая сложная загадка имеет ответ — если знать, где искать.

Содержание

Пролог	4
Глава 1	13
Нейтан	13
Глава 2	31
Ева	31
Глава 3	39
Нейтан	39
Глава 4	47
Ева	47
Глава 5	56
Нейтан	56
Конец ознакомительного фрагмента.	57

Вета Кэрлл Код её ДНК

Пролог

*Москва, декабрь. Десять лет назад.
Нейтан Веспер*

Мне восемь лет, и я стою в коридоре больницы.

Здесь пахнет странно — не так, как дома. Как будто смешали лекарства, хлорку и что-то ещё, чему у меня нет названия. Как будто сама болезнь имеет запах. Мама держит меня за руку, и её ладонь мокрая. Она не плачет, но я чувствую, как она дрожит.

— Нейтан, — говорит она тихо, — ты должен быть сильным. Хорошо?

Я киваю. Я всегда должен быть сильным. Мама так говорит каждый день.

Мы заходим в палату.

Там белые стены, белое одеяло, белая подушка. И на этой подушке — папа.

Он не похож на себя. Совсем. Папа всегда был большим, тёплым, он подбрасывал меня к потолку, и я визжал от восторга. А теперь он маленький. Как будто кто-то сдул его, как воздушный шарик. Лицо серое, под глазами тени, и от него тянутся трубки куда-то к приборам, которые пищат и мигают.

— Нейт, — папа улыбается. У него получается плохо, губы двигаются еле-еле. — Подойди.

Я делаю шаг. Потом ещё один. Мама остаётся у двери.

— Ты чего лёг? — спрашиваю я. Голос дрожит, хоть я и стараюсь быть сильным. — Вставай. Мы же в выходные хотели на каток.

Папа смотрит на меня долго-долго. Глаза у него блестят.

— Нейт, — говорит он. — Я скоро уйду.

— Куда? — не понимаю я.

— Далеко. Но ты не бойся. Я всегда буду с тобой. Просто

не рядом.

Я не понимаю. Совсем не понимаю. Как это — не рядом? Если он не рядом, значит, его нет. А как он может быть со мной, если его нет?

— Нет, — говорю я. — Не уходи.

— Нейт... — папа пытается поднять руку, но у него не получается. Тогда я сам беру его за руку. Она горячая и сухая.

— Я не хочу, чтобы ты уходил.

— Я знаю, сын. — Папа закрывает глаза на секунду. — Ты будешь врачом. Хорошим врачом. Ты будешь лечить людей, чтобы они не уходили. Обещаешь?

Я смотрю на него. На серое лицо, на трубки, на пищевые приборы.

— Обещаю, — шепчу я.

Папа улыбается. Слабо, но по-настоящему.

— Вот и хорошо. А теперь иди. Не надо тебе тут.

Мама забирает меня. Я не плачу. Я дал обещание, а обещания надо держать.

Через три дня папы не стало.

Месяц спустя.

Я сижу на скамейке во дворе. Один.

В школу я вернулся только через две недели. Учителя говорили тихо, одноклассники косились, но никто не подходил. Будто я заразный. Будто смерть прилипает.

Я смотрю на свои ботинки и вспоминаю, как папа учил меня завязывать шнурки. Он тогда сказал: «Смотри, Нейт, делай ушки, как у зайца, и перекрести их». У меня не получалось, я злился, а он смеялся и говорил, что всему своё время.

Я так и не научился тогда. Потом мама показывала. А папы уже не было.

— Эй, ты чего тут сидишь?

Я поднимаю голову.

Передо мной стоит мальчик. Моего примерно возраста, но выше. На нём дорогая куртка, слишком чистая для нашего двора, и шапка с каким-то логотипом. А за спиной — двое других, постарше.

— Я с тобой разговариваю, — говорит мальчик в дорогой куртке. Не грубо, а так... будто ему правда интересно.

— Просто сижу, — отвечаю я.

— А чего один? Заболел?

Я молчу. Не хочу рассказывать. Не хочу, чтобы опять смотрели жалостливо.

— Арсений, да пошли ты его, — тянет один из старших.
— Чего к этому привязался?

— Отвали, — бросает мальчик через плечо. И снова смотрит на меня. — Слушай, у меня «Лего» есть. Космическая станция. Пойдём собирать?

Я смотрю на него с подозрением. Мы даже не знакомы.

— А чего ты ко мне привязался?

Он пожимает плечами.

— Скучно. А ты вон сидишь как сыч. Пойдём.

Я уже открываю рот, чтобы отказаться, когда сзади раздаётся противный голос:

— О, это же тот, у которого батя умер.

Я оборачиваюсь. Старшие, которые были с Арсением, стоят и ухмыляются. Сказал это тот, что повыше.

Внутри всё сжимается. Я знал, что так будет. Знал, что рано или поздно кто-нибудь скажет.

— Заткнись, — тихо говорю я.

— А что такого? Я правду сказал. — Он делает шаг ко мне. — Чего, слабак, обиделся?

Я встаю. Не знаю, что буду делать. Драться я не умею. Папа учил, что драка — это для тех, кто не умеет договариваться. Но папы больше нет, а договариваться с этим...

— Я сказал, заткнись.

— А то что?

Он подходит ближе. Я сжимаю кулаки. Сердце колотится где-то в горле.

И тут между нами вклинивается Арсений.

— Ты чё, глухой? — говорит он спокойно, но как-то очень взросло. — Он сказал заткнуться. Валите отсюда.

Старший смотрит на него с удивлением. Потом на меня. Потом снова на Арсения.

— Слышь, мелкий, ты за кого?

— За него, — Арсений кивает на меня. — А что?

— Да ты...

Старший делает шаг, но Арсений не отступает. Стоит, смотрит снизу вверх, но глаз не отводит. И в этом взгляде — что-то такое, от чего старший вдруг тормозит.

— Ладно, — бросает он. — С вами, дебилами, связываться... Пошли, пацаны.

Они уходят. Я стою и смотрю на Арсения. Он поворачивается ко мне.

— Ну чё, пойдём «Лего» собирать?

— Зачем ты это сделал? — спрашиваю я. — Ты же меня не знаешь.

— Ну и что? — он пожимает плечами. — Мне показалось, тебе нужен кто-то, кто будет за тебя. А у меня всё есть. И «Лего» тоже.

Я смотрю на него и впервые за долгое время чувствую что-то, кроме пустоты.

— Нейт, — говорю я. — Меня Нейт зовут.

— А я Арсений. Но для друзей — Сеня. Пошли?

Я киваю.

И мы идём. Впервые за месяц — не один.

С тех пор мы и дружим.

Когда мне исполнилось пятнадцать, мама сказала: «Ты будешь врачом, Нейт. Папа хотел». Я кивнул. Я и сам уже решил. Потому что с тех пор, как папа ушёл, я не могу смотреть на больных людей и не думать: а что, если бы я знал больше? Что, если бы я мог помочь?

Я не хочу больше никаких «если».

Я хочу знать.

Я хочу лечить.

Я хочу, чтобы никто больше не стоял в больничном коридоре восьмилетним мальчиком и не смотрел, как уходит самый важный человек.

И чтобы рядом был кто-то, кто скажет: «Пошли собирать „Лего“».

Глава 1

Нейтан

Москва, июнь. Школа № 14, пункт проведения ЕГЭ.

Я ненавижу жару. Это не просто нелюбовь, это принципиальная позиция.

Жара делает людей вялыми, липкими и тупыми. В жару нельзя думать, нельзя сосредоточиться, нельзя нормально дышать. А тут ещё этот дурацкий костюм. Мама сказала: «Нейтан, на экзамен нужно выглядеть достойно, это важный день». Я не спорил. Я вообще редко спорю с мамой. Она одна меня растила последние десять лет, и я привык, что если она говорит — значит, так надо. Проще надеть костюм, чем объяснять, что в нём душно, глупо и что все нормальные одиннадцатиклассники придут в футболках и джинсах.

Пот течёт по спине под белую рубашку. Галстук душит. В голове пульсирует только одна мысль: только бы не перегреться, только бы собраться.

Мы стоим у входа в школу — я и ещё человек двести таких же взвинченных выпускников. Пункт проведения ЕГЭ напо-

минает конвейер или, если честно, проходную какого-нибудь режимного предприятия. Рамки металлоискателей, хмурые организаторы в синих жилетках, таблички с номерами аудиторий. Телефоны сдают при входе, воду нельзя проносить в кабинеты. Всё подчинено одной цели: чтобы никто не списал. Чтобы всё было честно. Чтобы я набрал свои 95+ и поступил в Первый мед.

— Эй, Нейт! Ты чего застыл как памятник? Давай двигай, а то без нас начнут!

Это Арсений. Мой лучший друг, моя полная противоположность и главный источник моих стрессов последние два года. Для всех он Арсений Вандербильт — сын владельца сети заправок, важный мажор с блатными замашками и фамилией, которая звучит как название банка. А для меня — просто Сеня.

Сеня Вандербильт. Он единственный человек, который может носить такую пафосную фамилию и при этом выглядеть так, будто только что встал с дивана, где проспал все одиннадцать лет школы. Сейчас на нём модные джинсы с дырками на коленях (дырки дизайнерские, мама его, наверное, в шоке), футболка с принтом какой-то метал-группы, которую я не знаю, и кепка, надетая козырьком назад. В руке — прозрачный пакет с паспортом и парой гелевых ручек,

как того требуют правила.

— Ты бы ещё в пижаме пришёл, — бурчу я, но внутри рад его видеть.

— А что? Нельзя? — Сеня делает серьёзное лицо. — Слушай, а давай на следующий год так и сделаем? Приходим всей школой в пижамах. Флешмоб! Представляешь лица этих, — он кивает на организаторов в жилетках, — с металлоискателями?

— Представляю, как нас всех разворачивают и отправляют пересдавать через год, — вздыхаю я. — У тебя вообще совесть есть? Ты хоть что-нибудь повторил?

— Нейт, Нейт, — Сеня хлопает меня по плечу, и я чувствую, как на пиджаке остаётся отпечаток его потной ладони, — мы с тобой в разные вузы поступаем? Нет. Мы оба биологию сдаём. А значит, я на тебя надеюсь. Ты же у нас ходячая энциклопедия. Если что, я просто буду писать то же, что и ты.

— Так не работает, — закатываю глаза. — Варианты разные.

— Ну значит, судьба. — Сеня пожимает плечами с фило-

софским видом. — Если мне попадётся то, чего я не знаю, значит, не судьба мне в этот ваш мед.

— Ты вообще собираешься куда-то поступать?

— Отец сказал: или поступаешь, или идёшь работать на заправку. Так что поступаю. — Сеня ухмыляется. — А там посмотрим.

Я качаю головой. Мы дружим с пятого класса, с тех пор как Сеня заступился за меня перед старшеклассниками, которые решили, что мой рюкзак — отличная цель для футбола. Он тогда схлопотал пару синяков, но рюкзак отстоял. С тех пор я с ним и вожусь. Помогаю с учёбой, объясняю домашку, терплю его дурацкие шутки и вечные опоздания. А он... ну, он просто есть. Иногда этого достаточно.

— Ладно, пошли уже, — говорю я. — А то действительно опоздаем.

— Да погоди ты, — Сеня вдруг хватает меня за рукав. — Смотри какая...

Он кивает куда-то в сторону входа. Я поворачиваю голову и... замираю.

Там, у турникетов, стоит компания. Человек пять или шесть, громко спорят о чём-то, размахивают руками, трясут какими-то распечатками. Обычные выпускники, нервные, взвинченные. Но среди них — она.

Девушка с темными волосами, собранными в небрежный пучок, из которого выбиваются непослушные пряди. На ней лёгкая ветровка, несмотря на жару, и джинсы. Она что-то доказывает парню в очках с толстыми линзами, и её лицо при этом такое живое, такое настоящее, что я не могу отвести взгляд.

— Физики, — комментирует Сеня с видом эксперта. — Профильная математика сегодня. Смотри, какие бешеные. Им бы на гуманитариев посмотреть, там вообще тихий ужас, литературу пишут...

— Ева! — кричит кто-то из компании. — Да иди ты уже, мы опаздываем!

Ева. Значит, Ева.

Девушка оборачивается на крик и в этот момент спотыкается о чей-то рюкзак, брошенный прямо у входа. Она летит прямо на меня. Я машинально подхватываю ее за локоть — реакция, отработанная ещё на тренировках по самбо, ко-

которые мама заставила бросить в десятом классе, потому что «это отвлекает от учёбы».

— Тормоз, Кирюх! — кричит она куда-то назад, видимо, тому самому парню в очках, а потом поднимает на меня глаза.

И я проваливаюсь.

У неё серые глаза. Огромные, с длинными ресницами, и в них пляшут чертики. Настоящие, живые чертики. Она улыбается — легко, открыто, будто мы знакомы сто лет.

— Спасибо, рыцарь, — выдыхает она, поправляя лямку рюкзака.

— Пожалуйста, — выдавливаю я. Голос звучит сухо, как наждачка. Идиот.

Хочу отвернуться. Надо отвернуться. Экзамен через пятнадцать минут, я и так тут стою как вкопанный.

Но взгляд сам скользит по её руке, которую я всё ещё держу. И застывает.

Чуть выше запястья, под широким браслетом-фенеч-

кой, — край белого пластыря. Не простого, а аккуратного, чуть выпуклого. Сенсор. Система непрерывного мониторинга глюкозы. Я такие видел у троюродного деда, когда тот болел диабетом. Современные, с передачей данных на телефон.

Девушка — Ева — перехватывает мой взгляд. Улыбка сползает с её лица мгновенно, будто её стёрли резинкой. Появляется настороженность. Она резко одёргивает рукав ветровки, пряча датчик.

— Увидимся, — бросает коротко и ныряет обратно в свою компанию физиков, которые уже втягиваются в дверь.

Я стою и смотрю ей вслед.

— Нейт! — Сеня трясёт меня за плечо. — Ты чего завис? Красивая, да? Я ж говорю, физички они такие... с приветом. Пошли, а?

— Да, идём, — отвечаю, но сам всё ещё смотрю туда, где она исчезла.

Странная. Красивая — это я уже отметил. Но странная. И этот датчик... Почему она его прячет? Почему насторожилась?

— Не твоего полёта птица, — философски замечает Сеня, пихая меня в спину. — Такие девушки физикам достаются. А наша доля — медработницы в белых халатах. Тоже неплохо, кстати.

— Заткнись, — беззлобно огрызаюсь я, и мы заходим в школу.

Внутри душно вдвойне.

Очередь к рамкам металлоискателей движется медленно. Кто-то забыл паспорт, кто-то пытается протащить телефон, какая-то девчонка плачет — видимо, переволновалась. Атмосфера та ещё.

— Ненавижу это всё, — бормочет Сеня. — Как в тюрьму заходим. Вот в Америке, слышал, можно ЕГЭ сдавать в комфортных условиях, с напитками и печеньками...

— Ты везде слышал, что в Америке лучше, — усмехаюсь я. — При этом по-английски у тебя тройка.

— Английский — язык колонизаторов, — парирует Сеня.

— Я за великий и могучий.

Мы наконец проходим контроль. Я в 12-ю аудиторию, Сеня в 14-ю.

— Давай, Нейт, — он протягивает кулак для традиционного стука. — Чтоб тебе попались все темы, которые я у тебя списывал.

— Это какие? — уточняю я. — Ты же не списывал, ты фоткал и говорил, что потом прочитаешь.

— Ну значит, чтоб попались те, которые я сфоткал. Авось что-то отложилось. — Сеня ухмыляется и исчезает в толпе.

Я захожу в аудиторию.

Пахнет бумагой, потом и дешёвым освежителем воздуха. Парты расставлены ровными рядами, на каждой — табличка с номером. Я нахожу своё место — в центре, второй ряд. Сажусь, выкладываю паспорт, ручки. Жду.

Организаторы — две женщины средних лет с лицами, выражающими глубочайшую усталость от жизни — проверяют документы, рассаживают опоздавших. Наконец распечатывают конверты с заданиями.

— Внимание, начинаем инструктаж.

Дальше всё как в тумане. Заполнение бланков, вскрытие пакетов, раздача КИМов. Я пролистываю задания — сердце колотится где-то в горле, но постепенно успокаивается. Знакомо. Почти всё знакомо. Часть С — сложная, но решаемая.

Я погружаюсь в работу.

Час. Два. Три. В аудитории душно, кто-то просит открыть окно, организаторы отказывают — сквозняк, помнёте бланки. Я перестаю замечать всё, кроме строчек заданий. Клетки, ткани, органы, системы. Законы Менделя. Эволюция. Экология. Мир, где всё логично, предсказуемо, понятно.

Я решаю тест быстрее положенного. Перепроверяю вторую часть дважды. Сижу, жду, когда время вытечет, и в голову лезут дурацкие мысли.

Она.

Ева.

Интересно, как у неё дела с математикой? Она такая живая, шумная — наверное, справилась. Хотя кто знает, мате-

матика — она кого хочешь ломает.

И этот датчик... Диабет? Или что-то другое? Почему она его прячет? Стесняется? Боится, что подумают?

— Экзамен окончен. Встать. Положить бланки на край стола, — щёлкает динамик.

Я выдыхаю. Сдал.

Коридоры полны народа. Кто-то плачет, кто-то радостно обсуждает ответы, кто-то просто молча бредёт к выходу. Я лавирую между ними, думая только о том, чтобы скорее выбраться на воздух.

— Нейт! — Сеня вырастает передо мной как из-под земли. — Ну чё? Как?

— Нормально, — пожимаю плечами. — Должно быть 95+, если не завалю вторую часть.

— Офигеть, — восхищается Сеня. — А я, кажется, в одном задании про растения ляпнул, что фотосинтез происходит в корнях.

— Ты что, с дуба рухнул? — я смотрю на него с ужасом.
— Это же база!

— А я думал, в корнях тоже немного бывает, — Сеня пожимает плечами. — Ладно, пронесёт. Пошли отсюда, тут дышать нечем.

Мы идём к выходу, и вдруг я снова слышу её голос.

— Нет, ну ты представляешь? Там в С7 надо было вывести формулу зависимости напряжения от времени в нелинейной цепи, а я как дура, как дура...

Я оборачиваюсь.

Она стоит в холле, вполоборота ко мне, и говорит с тем самым парнем в очках — Кирюхой, кажется. Её компания физиков обменивается впечатлениями, кто-то спорит, кто-то смеётся. Ева роется в рюкзаке, достаёт маленький пенал, а из него — две таблетки в блистере. Запивает их остатками воды из мутной бутылки.

Я смотрю и не могу отвести взгляд. Почему-то это кажется важным. Почему-то я должен это запомнить.

Она поднимает глаза и встречается со мной взглядом. Снова эта тень — и сразу вызов.

— Что, биолог, тяжело было? — кричит она, заметив мой бейдж с номером аудитории. — Как жизнь?

— Без формул напряжения прожить можно, — отвечаю я. Голос звучит спокойнее, чем в прошлый раз. — А вы как? Лекарствами после математики не подавишься?

Я сам не понимаю, зачем это ляпнул. Просто нервное. Просто заметил. Просто хочу, чтобы она снова на меня посмотрела.

В её глазах мелькает что-то острое, почти злое. Но тут же сменяется смехом.

— Наглый, — констатирует она, подходя ближе. Теперь нас разделяет всего пара метров. — Это витамины. Для мозга. Чтоб формулы быстрее считала.

— Ясно.

Пауза. Её друзья уже ломаются к выходу, зовут. Сеня дёргает меня за рукав: «Нейт, ты идёшь?». Я не обращаю внимания.

— Ладно, бывай, биолог, — бросает она и идёт к дверям. На выходе оборачивается на секунду: — Меня, кстати, Евой зовут! Если что!

— Нейтан, — отвечаю я. — Нейтан Веспер.

Она кивает и исчезает в толпе.

— Ого, — Сеня смотрит на меня с уважением. — Познакомился? А фамилию красиво сказал. Веспер... звучит как название какой-то космической компании.

— Идём уже, — огрызаюсь я.

Но внутри что-то шевелится. Какое-то глупое, неуместное тепло.

Две недели спустя.

98 баллов по биологии.

Мама плачет от счастья. Обнимает меня крепко-крепко, как в детстве, и шепчет: «Я же знала, я всегда знала, что ты

справишься». Я глажу её по голове и чувствую, как у самого ком в горле.

Она так много работала, так старалась, чтобы у меня было всё. Чтобы я учился. Чтобы поступил. Чтобы стал врачом. Как папа хотел.

Я киваю, улыбаюсь, обнимаю её в ответ. Всё идёт по плану.

Сеня набрал 67 баллов.

— Ну нормально, — философствует он, когда мы сидим в парке с мороженым. — На платное куда-нибудь пролезу. Отец сказал, если не пролезу, поеду в область, в их филиал поступать. Там конкурс меньше.

— Ты хоть что-то делаешь серьёзно? — спрашиваю я без злости, скорее из любопытства.

— А зачем? — Сеня жуёт мороженое и щурится на солнце. — Жизнь — штука длинная. Успею ещё наработаться. А пока молодой — надо кайфовать. Ты бы тоже расслабился. Вон, поступишь в свой мед, и всё, прощай молодость, здравствуй белый халат и бессонные ночи.

— Я люблю белые ночи, — усмехаюсь я. — В смысле, бессонные. В смысле... Ну ты понял.

— Ой, да понял я, — отмахивается Сеня. — Ты лучше скажи, будешь с той физичкой встречаться? Евой? Невельская, я запомнил. Красивая фамилия. Тоже как будто из книжки.

Я поперхнулся мороженым.

— С какой физичкой?

— С той, с которой ты на ЕГЭ любезничал, пока я ждал. — Сеня подмигивает. — Я же видел, как вы переглядывались.

— Мы не переглядывались, — краснею я. — Просто разговаривали.

— Ну-ну. — Сеня жуёт мороженое с видом всезнайки. — Ладно, дело твоё. Но если что — я за неё респектую. Красивая. И глаза умные.

Вечером сижу в ВК, листаю ленту. Городской паблик выпускников пестрит постами «Ищу, кто сдавал химию», «Сколько баллов надо на психфак?», «Продам учебники за

полщены». Скука.

И вдруг вижу запись в обсуждениях ЕГЭ по математике.

«Ева Невельская. Ищу того парня с биологии, который сдавал в 14-й школе 7 июня. Спросить хотела, правда ли, что в панцире черепахи есть нервные окончания? А то физики спорят, что он как броня и ничего не чувствует. Если прочитаешь, напиши. P.S. У него ещё фамилия красивая, Веспер вроде. Как у звезды».

Я смотрю на экран и чувствую, как губы сами расплзаются в улыбку.

Черепаха. Серьёзно? После профильной математики она думает о черепахах? И мою фамилию запомнила. Сказала, как у звезды.

Нажимаю «Написать сообщение».

Пальцы чуть дрожат, когда печатаю:

«Привет, Ева. Это Нейтан Веспер, биолог с ЕГЭ. У черепах действительно есть нервные окончания в панцире. Они чувствуют прикосновения. Но если вы про сухопутных — у них панцирь более чувствительный, чем у водных. Можем

обсудить за мороженым, если хочешь».

Отправляю и замираю.

Глупо. Слишком прямо. Слишком по-дурацки. И про мороженое опять...

Через минуту приходит ответ:

«Нейтан Веспер. Ты существуешь. А я уж думала, мне показалось. За черепаху — респект. За мороженое — плюс сто. Давай завтра? В Сокольниках, у входа. В 16:00. И захвати доказательства про черепаху, а то физики не верят)))».

Я выдыхаю. Улыбаюсь как идиот.

— Ну что, Нейт, — говорю сам себе, — кажется, лето начинается.

Глава 2

Ева

Москва, июнь. Школа 14, пункт проведения ЕГЭ.

Я люблю жару.

Мама говорит, что это ненормально, что в такую погоду нормальные люди сидят дома с кондиционером, а не бегают по городу. Но мама не понимает. Когда с тобой всё в порядке, жару можно ненавидеть. А когда твой организм — это поле боя, каждый солнечный луч кажется лишней каплей энергии, которую ты украла у болезни.

Я люблю жару. Потому что в жару я чувствую себя почти живой.

— Ева! Давай быстрее, мы опаздываем!

Кирюха машет мне рукой от входа в школу. Его очки сползли на нос, он нервно поправляет их и снова смотрит на часы. Кирюха — мой главный сообщник по физике и единственный человек в школе, который знает про мои таблетки больше, чем нужно. Он не задаёт лишних вопросов. Просто всегда носит с собой воду и не паникует, если я вдруг начинаю белеть на глазах.

— Да иду я, иду! — кричу я в ответ и догоняю компанию.

Мы — физики. Нас пятеро, мы шумные, мы спорим о квантовой механике даже в очереди за булочками, и нас ненавидят все остальные. Особенно гуманитарии. Но мне плевать. Физика — это единственное место, где я могу быть собой. Где никто не спрашивает, почему я не ем бутерброды, почему всегда ношу с собой этот дурацкий пенал с таблетками, почему иногда пропадаю на неделю.

В физике всё просто: есть формула — есть ответ. Нет никаких «а вдруг», «а если», «а почему у тебя». Мир подчиняется законам. И в этом мире я могу быть сильной.

— Ева! — Кирюха хватается меня за рукав и тянет к турникетам. — Ты хоть формулу Эйнштейна повторила?

— $E=mc^2$, — закатываю я глаза. — Кирюх, я её в пять лет выучила.

— А теорему Нётер?

— А ты завязывай меня экзаменовать, а то у тебя давление подскочит. — Я подмигиваю ему и вдруг спотыкаюсь о чей-то рюкзак.

— Ай, черт!

Я лечу вперёд, уже готовясь встретиться с асфальтом, но в последний момент чья-то рука подхватывает меня за локоть. Сильная, уверенная. Не отпускает, пока я не выпрямляюсь.

— Тормоз, Кирюх! — кричу я на всякий случай, хотя это моя вина, и поднимаю глаза.

И замираю.

Парень. Серьёзный, в костюме (в такую жару!), с тёмны-

ми волосами и сосредоточенным лицом. Он смотрит на меня так, будто я — задача, которую нужно решить. Но не пугаюсь. Наоборот, почему-то хочется его подразнить.

— Спасибо, рыцарь, — говорю я, поправляя рюкзак.

— Пожалуйста, — отвечает он сухо.

Он смотрит на меня. Потом его взгляд скользит по моей руке — туда, где под браслетом прячется сенсор. Я вижу, как его глаза останавливаются на белом пластыре, и внутри всё обрывается.

Блин.

Я одёргиваю рукав быстрее, чем успеваю подумать. Зачем? Он же не знает, что это. Мог подумать что угодно — царапина, пластырь от мозоли. Но я уже всё испортила своей паникой.

— Увидимся, — бросаю я и ныряю обратно к своим.

Внутри всё кипит. Злость на себя, на эту дурацкую болезнь, которая лезет в мою жизнь в самый неподходящий момент. На этого парня, который посмотрел на меня как на аномалию.

— Ева, ты чего? — Кирюха заглядывает мне в лицо. — Бледная.

— Всё нормально, — отмахиваюсь я. — Пошли, а то опоздаем.

Мы заходим в школу. Металлоискатели, паспортный контроль, бесконечные очереди. Я стараюсь не думать о нём. О том, как он меня держал. О том, как смотрел. О том, как я

испугалась.

Глупо. Просто глупо.

Математика — профиль.

Я люблю математику почти так же сильно, как физику. В ней есть та же чистота, та же определённость. Если решение сошлось — значит, ты всё сделал правильно. Если нет — ищи ошибку. Никакой несправедливости.

Я решаю задачи одну за другой. С7 — нелинейная цепь, вывод формулы зависимости напряжения. Красивая задача. Я почти улыбаюсь, когда вывожу ответ.

Только в голове всё равно крутится этот парень.

Костюм, галстук, серьёзное лицо. Как будто он уже взрослый. Как будто знает что-то, чего не знаю я.

А потом я вспоминаю, как он смотрел на мой датчик. И настроение падает.

Не думай об этом. Экзамен. Сейчас главное — экзамен.

Я заставляю себя сосредоточиться и больше не отвлекаюсь до самого конца.

Экзамен окончен.

Я выхожу в коридор, меня тут же накрывает волна голосов — кто-то плачет, кто-то радуется, кто-то переписывает ответы на салфетке. Кирюха носится с листком, пытаюсь сравнить результаты, наши физики орут что-то про электродинамику.

Я достаю из рюкзака пенал. Надо принять таблетки. Мама будет ругаться, если я пропущу приём, а потом будет звонить каждый час и спрашивать, не случилось ли чего.

Я выуживаю блистер, выдавливаю две таблетки и запиваю их остатками воды из бутылки. Гадость. Но привыкла.

А потом я вижу его.

Он стоит в холле, смотрит на меня. Тот самый. В своём дурацком костюме, с бейджем биолога. Я замечаю, как он смотрит на мои таблетки, и готовлюсь к очередному дурацкому вопросу.

Он подходит. Что-то говорит. Я отвечаю. Разговор короткий, колкий, как всегда, когда кто-то слишком близко подбирается к тому, что я прячу.

Я говорю что-то про витамины. Он не верит. Я это вижу.

Но он не лезет. Не спрашивает. Просто смотрит своими серьёзными глазами, и я почему-то чувствую, что он видит больше, чем говорит.

— Ладно, бывай, биолог, — бросаю я и разворачиваюсь.

Но на выходе что-то заставляет меня обернуться. Может, его взгляд. Может, то, как он стоял, не сводя с меня глаз. Может, просто дурацкое желание оставить след.

— Меня, кстати, Евой зовут! Если что!

— Нейтан, — отвечает он. — Нейтан Веспер.

Я киваю и выхожу на солнце.

Веспер. Как звезда. Красиво.

Две недели спустя.

97 баллов по математике. Я в шоке. Мама в шоке. Кирюха в полном ауте, потому что у него 89, и он уже решил, что это конец света, хотя на самом деле это отличный результат.

Я сижу на подоконнике в своей комнате, смотрю на закат и думаю.

О том, что осенью уезжать. В Питер. На физтех. Мама уже который день плачет, уговаривает остаться в Москве, но я упёрлась. Мне нужно уехать. Нужно доказать себе, что я могу. Что болезнь не управляет моей жизнью.

А ещё я думаю о нём.

Нейтан Веспер.

Интересно, сколько он набрал? Биолог, значит, наверное, много. Такие серьёзные обычно много набирают.

Я открываю ВК. Городской паблик выпускников. Листаю ленту, и вдруг вижу пост одного из физиков: «Кто сдавал в 14-й школе? Там какой-то биолог в костюме был. Красивый такой, серьёзный. Знает кто?»

Я смеюсь. Не я одна заметила.

Потом думаю. Думаю долго. И наконец пишу в обсуждениях ЕГЭ по математике:

«Ева Невельская. Ищу того парня с биологии, который сдавал в 14-й школе 7 июня. Спросить хотела, правда ли, что в панцире черепахи есть нервные окончания? А то физики спорят, что он как броня и ничего не чувствует. Если прочитаешь, напиши. P.S. У него ещё фамилия красивая, Веспер

вроде. Как у звезды».

Отправляю и замираю.

Глупо. Зачем я это сделала? Он же не ответит. Или ответит? А если ответит — что я скажу?

Я смотрю на телефон и жду. Минута, пять, десять.

И вдруг — уведомление.

Я открываю сообщение, сердце колотится где-то в горле.

«Привет, Ева. Это Нейтан Веспер, биолог с ЕГЭ. У черепах действительно есть нервные окончания в панцире. Они чувствуют прикосновения. Но если вы про сухопутных — у них панцирь более чувствительный, чем у водных. Можем обсудить за мороженым, если хочешь».

Я смотрю на экран и чувствую, как губы сами расползаются в улыбку.

Он ответил. Он правда ответил.

И про черепаху — серьёзно? После всего, он нашёл информацию про черепаху? Такой серьёзный парень, а нашёл время узнать, есть ли у черепах нервные окончания.

Мне нравится.

Печатаю ответ, пальцы дрожат от волнения:

«Нейтан Веспер. Ты существуешь. А я уж думала, мне показалось. За черепаху — респект. За мороженое — плюс сто. Давай завтра? В Сокольниках, у входа. В 16:00. И захвати доказательства про черепаху, а то физики не верят)))».

Отправляю. Смотрю на экран. Жду.

Ответ приходит через минуту:

«Договорились. До завтра».

Я выдыхаю. Кладу телефон на подоконник и смотрю на закат.

Небо оранжевое, розовое, почти красное. И на нём уже зажглась первая звезда.

Вечер.

Я улыбаюсь и шепчу в темноту:

— Ну что, Ева, кажется, у тебя свидание.

Глава 3

Нейтан

Москва, июль. Три дня спустя.

Я не могу перестать о ней думать.

Это глупо. Я всегда считал себя человеком рациональным. Причина — следствие. Если поставил цель — иди к ней, не отвлекаясь. А тут какая-то девушка, с которой я провёл всего несколько часов, и я не могу выкинуть её из головы.

Её смех. То, как она щурится на солнце. Как говорит о физике, будто это живой человек. И как смотрит, когда я спросил про датчик.

Я лежу на кровати, смотрю в потолок и прокручиваю в голове наш разговор. Снова и снова.

— А если стандарты не работают? Если нет готового решения?

Она спросила это не просто так. Она знает, о чём говорит. И когда я назвал её болезнь — ту, которую вспомнил из учебника, — она усмехнулась. Горько. Так, как будто слышала это тысячу раз.

«Если бы».

Значит, всё сложнее. Значит, учебник не поможет.

Я достаю телефон и открываю браузер. Набираю: «атипичная фенилкетонурия».

Страница загружается. Стандартная информация: редкое заболевание, нарушение метаболизма, диета, пожизненное наблюдение. Ничего нового. Ничего такого, что объяснило бы её слова.

Пробую другие запросы: «фенилкетонурия атипичная форма лечение», «редкие метаболические синдромы», «митохондриальные заболевания».

То же самое. Сухие медицинские статьи, общие фразы, ни одного упоминания конкретных клинических случаев, похожих на её.

Странно.

Я закрываю телефон и смотрю в потолок. Может, я просто плохо искал. Я же не врач. Не учёный. Я просто школьник, который сдал ЕГЭ.

Но внутри что-то царапается. Какое-то чувство, которое я не могу объяснить. Будто я наткнулся на что-то важное, но не понимаю, на что именно.

Через два дня мы снова встречаемся.

Она предлагает погулять в парке — в том же, где были в прошлый раз. Я соглашаюсь, не думая. Мне всё равно, куда идти, лишь бы с ней.

Мы идём по аллее, и она болтает без умолку. Про физику, про своих одноклассников, про то, как её мама пытается на-

учить её готовить, но у неё всё время что-то взрывается.

— ...а потом кастрюля наклонилась, и суп вылился на плиту. Мама сказала, что это я виновата, потому что отвлеклась на задачу по термодинамике. А я считаю, что это физика виновата. Если бы она не была такой интересной...

Я слушаю и улыбаюсь. С ней легко. Не нужно притворяться, не нужно думать о том, что сказать. Она сама заполняет всё пространство, оставляя мне только право слушать и иногда вставлять свои пять копеек.

Но сегодня я замечаю кое-что странное.

Когда мы проходим мимо ларька с мороженым, я предлагаю купить. Она отказывается. Не потому, что не хочет, а потому что... не может?

— Я возьму яблоко, если ты не против, — говорит она, кивая на фруктовую лавку рядом.

— Без проблем.

Мы покупаем яблоко и идём дальше. Я смотрю, как она ест, и вспоминаю: на прошлой встрече у неё тоже было яблоко. И в тот раз в парке, когда мы гуляли после ЕГЭ, она ела мороженое. Значит, может. Но не всегда?

— Ты не любишь мороженое? — спрашиваю я как бы невзначай.

— Люблю, — она пожимает плечами. — Просто не всегда могу. Диета.

— Из-за...

Я не договариваю. Она понимает.

— Из-за болезни, — кивает она. — Если я съем что-то не то, уровень фенилаланина в крови подскакивает. А потом — привет, судороги и больница. Так что яблоки безопаснее.

Она говорит это так спокойно, будто речь идёт о погоде. А у меня внутри всё сжимается.

— А что можно? — спрашиваю я. — Какие продукты?

— О, список маленький, — она усмехается. — Овощи, фрукты, специальные коктейли. Белок почти полностью исключён. Мясо, рыба, яйца, молочка — всё под строгим контролем. Если переборщу — привет, токсичность.

Я смотрю на неё и чувствую, как в голове щёлкает что-то.

— И ты так живёшь? Всю жизнь?

— Всю жизнь, — она поднимает на меня глаза. В них нет жалости к себе. Только вызов. — Ну что, передумал со мной гулять? Слишком сложно?

— Нет, — говорю я. — Просто... я не знал.

— Никто не знает, — она пожимает плечами. — Поэтому я обычно не рассказываю. Но ты спросил.

Она отворачивается и смотрит на пруд. Я смотрю на неё и думаю: как она это выдерживает? Как можно быть такой... живой, когда каждый кусок еды — это риск?

— Ева, — говорю я. — А ты когда-нибудь искала... ну, другие способы? Кроме диеты и таблеток?

Она замирает. Поворачивается ко мне медленно, и в её глазах я вижу что-то, чего не видел раньше. Боль? Страх? Нет. Что-то другое.

— Искала, — говорит она тихо. — В детстве. Мама возила меня по разным клиникам, мы пробовали экспериментальные методы. Ничего не помогло. Только хуже стало.

— Что значит «хуже»?

Она молчит долго. Так долго, что я уже думаю — не ответит.

— Это долгая история, — наконец говорит она. — И не очень красивая. Давай не сейчас.

Я киваю. Не настаиваю. Но внутри что-то царапается снова.

Экспериментальные методы. Клиники. Стало хуже.

Почему-то мне кажется, что это важно.

Вечером я сижу дома, открываю ноутбук и снова лезу в интернет.

На этот раз я ищу не статьи о болезни. Я ищу другое.

«Экспериментальное лечение фенилкетонурии дети Россия».

Ничего.

«Клиники метаболические нарушения Москва 2000-е».

Снова ничего внятного. Несколько старых новостей о закрытии каких-то центров, но без подробностей.

Я меняю запрос. «Редкие генетические заболевания экспериментальная терапия дети».

И вдруг натываюсь на форум. Старый, заброшенный, последний пост датирован 2012 годом. Тема: «Клиника докто-

ра В. — отзывы». Внутри — несколько сообщений от родителей, чьи дети проходили там лечение. Большинство — нейтральные или положительные. Но одно привлекает моё внимание.

«Мою дочь лечили там три года назад. Сказали, что это наш последний шанс. Сначала казалось, что помогает. А потом... Я не хочу об этом вспоминать. Клиника закрылась, врачи разъехались. Дочь до сих пор пьёт таблетки, и врачи говорят, что хуже уже не будет. Но я знаю, что хуже. Она уже не та. Если вы думаете туда обращаться — не надо. Просто не надо».

Я перечитываю пост несколько раз.

Клиника закрылась. Врачи разъехались. «Она уже не та».

Я не знаю, связано ли это с Евой. Может, я просто ищу то, чего нет. Может, мне показалось.

Но почему-то мне кажется, что я нащупал что-то важное.

Я сохраняю ссылку на форум в закладки. Потом открываю диалог с Евой в ВК и долго смотрю на её аватарку — она смеётся, запрокинув голову, на фоне заката.

Я хочу ей написать. Спросить. Но что? «Эй, а ты не лечилась случайно в клинике, которая закрылась десять лет назад?»

Глупо.

Я закрываю ноутбук и иду на кухню. Мама уже спит. Я наливаю себе воды, сажусь за стол и смотрю в окно.

Нейтан Веспер. Биолог. Будущий врач.

Я дал обещание отцу. Я должен лечить людей. Должен помогать.

Но что, если я встретил человека, которому не может помочь ни один врач? Что, если её болезнь — это не просто редкий случай, а что-то большее? Что, если кто-то уже пытался её лечить — и сделал только хуже?

Я не знаю ответов. Но я знаю одно: я не могу просто смотреть, как она живёт с этим.

Я должен что-то сделать.

На следующий день я звоню Сене.

— Слушай, — говорю я без предисловий. — У твоего отца есть связи с медицинскими центрами?

Сеня молчит секунду. Потом усмехается.

— Нейт, ты чего, заболел? Ты мне ещё ни разу не звонил с вопросами про папины связи.

— Это важно.

— Ладно, — он перестаёт смеяться. — Есть. А что нужно?

Я рассказываю. Не всё — только то, что Ева болеет, что её случай сложный, что я хочу найти информацию о лечении. Сеня слушает, не перебивая.

— И ты думаешь, что папины люди могут помочь? — спрашивает он, когда я заканчиваю.

— Не знаю. Но попробовать стоит.

Сеня молчит. Потом вздыхает.

— Нейт, я тебя предупреждал? Не твоего полёта птица.

— Сенья.

— Ладно, ладно. Я поговорю с отцом. Но ты мне потом всё расскажешь. Всё, понял?

— Понял. Спасибо.

Я кладу трубку и смотрю на телефон.

Что-то началось. Я не знаю, куда это приведёт. Но я чувствую, что остановиться уже не могу.

Глава 4

Ева

Москва, середина июля.

Моя жизнь — это расписание.

Утром — замеры. Проколоть палец, капнуть на тест-полоску, записать цифры в блокнот. Потом таблетки. Две белые, одну голубую, половинку розовой. Запить водой, ровно двести миллилитров, ни больше ни меньше.

Потом — коктейль. Специальная смесь, которую мама заказывает раз в месяц в единственной аптеке на другом конце Москвы. На вкус — как мел, разведённый в воде. Я пью его уже пятнадцать лет и до сих пор каждый раз давлюсь.

Потом — завтрак. Яблоко. Или груша. Или горсть клубники, если сезон. Мама иногда покупает специальный хлеб без белка — он стоит как самолёт, но есть его невозможно. Я делаю вид, что ем, а потом выбрасываю, когда она не видит.

Потом — день. Гулять, читать, готовиться к университету. Иногда — встречи с Нейтаном. Они стали моим единственным исключением из правил. Ради них я готова даже пропустить коктейль (тихо, чтобы мама не узнала).

Потом — вечер. Снова замеры. Снова таблетки. Снова

коктейль.

Потом — сон. Если повезёт.

Моя жизнь — это расписание. И я ненавижу его.

Сегодня мама пришла с работы раньше обычного.

Я сидела на кухне, пила чай (без сахара, без молока, без всего) и листала телефон. Нейтан написал утром: «Как дела?» — я ответила: «Жива» — он поставил смайлик, который улыбается, но глаза грустные. Я засмеялась. Он единственный, кто понимает эту шутку.

— Ева, — мама вошла на кухню, и я сразу поняла: что-то случилось. Она выглядела усталой. Не той обычной усталостью, с которой она приходит после работы, а какой-то другой. Глубокой.

— Привет, — сказала я. — Ты рано.

— Собрание отменили. — Она села напротив, положила сумку на стул и посмотрела на меня. Долго. Так, будто видела впервые. — Ты сегодня видишься с тем мальчиком?

Я напряглась. Мама не одобряла Нейтана. Она не говорила этого прямо, но я чувствовала. Каждый раз, когда я упоминала его имя, она делала лицо, которое должно означать «я не лезу в твою жизнь», а на самом деле означало «я против, но не хочу ссориться».

— Да, — сказала я. — Мы в парк пойдём.

— Ева. — Мама вздохнула. — Я хочу поговорить с тобой.

Я отложила телефон. Внутри всё сжалось. Я знала этот

тон. Он означал, что сейчас будет что-то важное. Что-то, о чём она долго думала и наконец решилась сказать.

— О чём?

— О нём, — она помолчала. — О твоём... друге.

— Его зовут Нейтан, — сказала я. — Ты знаешь.

— Я знаю. — Мама сцепила пальцы. — Ева, я хочу, чтобы ты поняла. Я не запрещаю тебе дружить. Но ты должна быть осторожна.

— В каком смысле?

Она посмотрела на меня. В её глазах была боль. Такая знакомая, такая родная боль, которая сопровождала меня всю жизнь.

— Такие мальчики, как он... они приходят с надеждой. Они думают, что смогут тебя спасти. Что найдут волшебную таблетку, прочитают нужную книгу, встретят нужного врача. А потом, когда понимают, что не могут, — они уходят.

Я сжала кружку с чаем.

— Нейтан не такой.

— Все они не такие, — тихо сказала мама. — Поначалу.

Я хотела возразить. Сказать, что она не знает его. Что он другой. Что он не пытается меня спасти — он просто... есть. Но мама продолжила, и я замолчала.

— Ева, я не хочу, чтобы ты снова проходила через это. Помнишь, что было в детстве? Сколько раз мы надеялись? Сколько раз врачи говорили: «Вот-вот появится новое лечение», «Вот-вот начнутся испытания»? А потом...

Она замолчала.

— Мам, — сказала я осторожно. — А что потом?

Она подняла на меня глаза. И в них я увидела что-то, чего не видела раньше. Страх. Не тот, которым она пугает меня, когда я пропускаю таблетки. А другой. Глубокий, старый, закрытый так глубоко, что я думала, его уже нет.

— Потом ничего, — сказала она. — Просто не было никакого лечения. И не будет.

Она встала, взяла сумку и вышла из кухни.

Я осталась сидеть, глядя на остывший чай.

О чём она не договорила?

Вечером мы гуляли с Нейтаном.

Я не рассказала ему о разговоре с мамой. Не знала, как. «Моя мама боится, что ты меня бросишь» — это звучало глупо. И нечестно по отношению к нему.

Но он, кажется, всё равно что-то чувствовал.

— Ты сегодня какая-то тихая, — сказал он, когда мы сели на скамейку у пруда. — Что-то случилось?

— Всё нормально, — я улыбнулась. — Просто мама сегодня странная.

— В каком смысле?

— Не знаю. — Я пожала плечами. — Спросила про тебя. Сказала, чтобы я была осторожна. Что такие мальчики, как ты, приходят с надеждой, а потом уходят.

Нейтан замолчал. Я испугалась, что обидела его.

— Я не собираюсь уходить, — сказал он наконец.

— Я знаю.

— Ева, — он повернулся ко мне. — Твоя мама... она всегда такая? Ну, про надежду?

Я задумалась.

— Раньше нет, — сказала я медленно. — Раньше она сама надеялась. Везла меня по врачам, искала клиники, экспериментальные методы. А потом... я не знаю, что случилось. Просто в какой-то момент она перестала. Сказала, что надо смириться. Что надежда — это только больно.

— А что было до того? — спросил Нейтан. — Ну, до того, как она перестала?

— Я не помню. — Я попыталась вспомнить, но в голове были только обрывки. Больничные коридоры, белые халаты, мамины слёзы. — Мне было лет пять-шесть. Мы ездили в какую-то клинику. Я не помню куда. Мама говорит, что это было давно и не важно.

— А ты спрашивала?

— Спрашивала. — Я усмехнулась. — Она сказала, что там мне сделали только хуже, и она не хочет об этом вспоминать.

Нейтан замолчал. Я посмотрела на него. Его лицо было сосредоточенным — таким, каким я видела его в день экзамена. Как будто он решал задачу.

— Ева, — сказал он тихо. — А ты не хочешь узнать? Ну, что там было?

Я замерла.

Хочу ли я?

Часть меня — та, которая каждый день глотает таблетки и пьёт коктейль из мела, — кричала: «Да! Хочу!». Другая часть — та, которая видела мамины глаза сегодня, — шептала: «Не надо. Это только больно».

— Не знаю, — сказала я честно. — А ты зачем спрашиваешь?

Нейтан посмотрел на меня долго. Потом сказал:

— Просто интересно.

Но я видела, что это не просто интерес. Что-то было. Что-то, о чём он не говорил.

В тот вечер я лежала в кровати и думала.

О маме. О её страхе. О той клинике, которую она не хочет вспоминать.

Я достала телефон и набрала в поиске: «клиники генетических заболеваний Москва 2000-е».

Выпало несколько ссылок. Старые новости, статьи, форумы.

Я листала, листала, листала.

И вдруг наткнулась на тему: «Клиника доктора В. — отзывы». Последний пост — 2012 год.

Я открыла. Прочитала несколько сообщений. Большинство — обычные отзывы. Но одно привлекло моё внимание.

«Мою дочь лечили там три года назад. Сказали, что это наш последний шанс. Сначала казалось, что помогает. А по-

том... Я не хочу об этом вспоминать. Клиника закрылась, врачи разъехались. Дочь до сих пор пьёт таблетки, и врачи говорят, что хуже уже не будет. Но я знаю, что хуже. Она уже не та. Если вы думаете туда обращаться — не надо. Просто не надо».

Я перечитала пост несколько раз.

Клиника закрылась. Врачи разъехались. «Она уже не та».

Сердце забилося быстрее.

Я посмотрела на дату поста. 2011 год. Мне тогда было... шесть.

Я закрыла телефон и уставилась в потолок.

Совпадение?

Или нет?

На следующий день я решила спросить у мамы.

Она была на кухне, готовила ужин (для себя — я ела яблоко и пила свой дурацкий коктейль).

— Мам, — сказала я как можно небрежнее. — А в какой клинике мы лечились, когда я была маленькая? Ну, до того, как ты решила, что это бесполезно.

Мама замерла. Прямо с ножом в руке.

— С чего ты вдруг спросила?

— Просто интересно, — я пожала плечами. — Встретила вчера одноклассницу, она говорила, что её сестру лечили в какой-то клинике. Я вспомнила, что мы тоже куда-то ездили.

Мама поставила нож. Повернулась ко мне. Её лицо было

белым.

— Ева, — сказала она медленно. — Я не хочу об этом говорить.

— Почему?

— Потому что это было давно. Потому что это не важно. Потому что я не хочу, чтобы ты... — Она замолчала, сжала губы. — Просто не надо. Хорошо?

— Мам, — я попыталась быть спокойной, но внутри всё кипело. — Я просто спросила, как называлась клиника.

Это же не секрет?

— Ева, — мама подошла ко мне и взяла за руку. — Послушай меня. В той клинике... с нами случилось плохое. Очень плохое. Я не хочу, чтобы ты это вспоминала. Я не хочу, чтобы ты искала. Просто поверь мне — там нет ничего, что могло бы тебе помочь. Только боль.

— Но если я узнаю...

— Если ты узнаешь, тебе станет только хуже, — перебила она. — Я тебя прошу. Оставь это.

Она посмотрела на меня. В её глазах были слёзы.

Я кивнула. Не потому, что согласилась. А потому, что не хотела видеть её такой.

Но я не оставила.

Я просто стала искать тише.

Вечером я написала Нейтану:

«Ты спрашивал про клинику. Я нашла кое-что в интерне-

те. Но мама не хочет говорить. Сказала, что там было что-то плохое. Что мне станет хуже, если я узнаю. Ты не знаешь, как можно найти информацию о закрытых клиниках?»

Ответ пришёл через минуту:

«Знаю. Я уже начал искать. Давай встретимся завтра, я кое-что покажу».

Я посмотрела на экран. Сердце колотилось где-то в горле.

Что он нашёл?

Глава 5

Нейтан

Я жду её у входа в парк, и в руке у меня телефон с открытым диалогом. Там — ссылка, которую я нашёл вчера вечером. Старый форум, пожелтевши

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.